

С. А. Гуллакян

О СЮЖЕТНОМ СОСТАВЕ РЕПЕРТУАРА АРМЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ И НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК

«На берегах Ванского озера можно услышать те же сказки с теми же подробностями, что и у берегов Волги и Дуная» — эти слова известного этнографа и фольклориста Г. Халатьянца из его «Общего очерка народных армянских сказок» (1985 г.)¹, первого опыта сравнительного анализа армянского сказочного репертуара, можно поставить эпиграфом к настоящей статье. Очерк Г. Халатьянца, собственно, посвящен доказательству этого тезиса. Уже первые исследователи пытались охарактеризовать армянский репертуар, сопоставляя его с фольклором других народов, широко привлекая известные мотивы и сюжеты. Так, Халатьянец находил в персонажах и мотивах армянских сказок параллели с персонажами и мотивами славянских, немецких, грузинских, менгрельских, татарских, монгольских и других сказок. Понятие «сюжет» этим исследователем не вводилось. При сравнительном анализе он сопоставлял одну сказку с другой, последовательно излагая ход событий. Другого способа выявить сюжетный состав национального репертуара тогда не существовало.

Задачи сравнительного изучения армянских сказок и характеристики типичных персонажей, мотивов и сюжетов, поставленные Г. Халатьянцем и частично решенные им, не потеряли своей актуальности и 30 лет спустя, когда появились «Очерки по мифологии армянских сказок» М. Шагинян². Материалом для «Очерков» послужили тексты, опубликованные в конце XIX — начале XX в.

Охарактеризовав содержание и персонажи армянских сказок, М. Шагинян не могла обойти вопрос о фольклорных параллелях. Вслед за первыми публикаторами и исследователями она также отмечает «узлы перекрестных влияний, повторенья общеевропейских фабул, черты, наложенные соседством мусульманского Востока»³.

Сходство армянских сказок со сказками других народов определяется в «Очерках» в общих чертах. Из-за отсутствия точного научного критерия сходства, М. Шагинян приходится прибегать к весьма приблизительным определениям для разных уровней содержания, таких, как мотивы, эпизоды, сюжеты. Подчеркнув, что «почти ни одной армянской сказки нельзя прочесть без того, чтобы не вспомнить такую же европейскую», исследовательница указывает на известные ей параллели и пользуется простыми сравнениями: в одном случае сопоставляются сюжеты в целом, в другом — отдельные мотивы.

Первым опытом научного определения фольклорных параллелей стал комментарий Н. П. Андреева в сборнике «Армянские сказки»⁴ (на русском языке), который идентифицировал армянские сказки по каталогу Аарне — Андреева и по известным сказочным сборникам. Идентификация лишь 40 сюжетов была явно недостаточна для характеристики армянского сказочного репертуара, тем более для определения своеобразия армянских сказок. Но работа, начатая Н. П. Андреевым, не была продолжена. Указателя сюжетов нет ни в армянском сборнике А. Ганалаяна (в сборниках на русском языке 1965 и 1983 гг. он повторяет фольклорные параллели Андреева)⁵, ни в многотомном издании АН Армянской ССР.

О значении типологического анализа для изучения национального репертуара говорил И. Г. Левин: «Само соотнесение сюжета с повествовательным типом, имеющим... свою географию и историю, уже определяет место и своеобразие... текста в региональном и, далее, в мировом сказочном репертуаре»⁶.

Таким образом, задача типологического анализа сюжетов, бытующих в армянском языке, сохраняет свою актуальность по сей день. В какой-то мере призван решить эту задачу составленный нами «Указатель сюжетов армянских волшебных и новеллистических сказок»⁷. По указателю Аарне — Томпсона иденти-

фицировано около 600 текстов: каждый сюжет в его армянской интерпретации обрел свое место в этой системе и, следовательно, может быть учтен в международной фольклористике. Разумеется, данный указатель охватывает ограниченный материал и в количественном отношении, и в жанровом. Однако он может явиться основой для дальнейшей работы и уже сейчас вводит армянские сказки в научный оборот. А главное, указатель позволяет ответить на ряд вопросов, представляющих серьезный научный интерес: каков сюжетный состав исследованной части армянского репертуара, какова распространенность отдельных сюжетов, есть ли среди них характерные армянские версии, какие специфические контаминации встречаются в армянском репертуаре. Но сначала надо выяснить, достаточно ли репрезентативна совокупность текстов, послужившая источниковой базой для указателя, и могут ли считаться корректными полученные на ее основе выводы. Дело в том, что тексты отобраны произвольно: это волшебные и новеллистические сказки, напечатанные в 10 томах академического издания⁸ и в ряде самых значительных дореволюционных сборников.

В томах «Армянских народных сказок» собраны тексты из ряда досоветских изданий, из неопубликованных архивов собирателей, из материалов экспедиций, организованных в последние десятилетия. Тексты расположены по этнографическим регионам, что объясняется особенностями исторических судеб армянского народа и состоянием архивных материалов, которые с самого начала, с первых записей носили региональный характер. Большая часть свода состоит из записей выдающегося этнографа и фольклориста Ерванда Лалаяна (1864—1931) и членов его экспедиций. Среди собирателей, представленных в своде не единичными записями, а целыми коллекциями, — С. Айкуни (1838—1908), Т. Навасардяна (1861—1927), А. Бахатрян (1848—1883), Н. Мартиросян (1877—1942), А. Мхитарян (1846—1916), С. Мовсесян-Бенсе (1867—1939), М. Григорян-Спандарян (1906—1975). Немало текстов записано сотрудниками Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.

Из дореволюционных сборников — «Манана» и «Хамов-хотов» Г. Срвандзтяна (1875 и 1884 гг.), «Саз Вана» Г. Шеренца (1886 г.), «Духовная жизнь тифлисцев» Г. Тер-Александряна (1885 г.), «Эминского этнографического сборника» (1901 г.), «Жемчужины армянского фольклора» (1914—1915 гг.) — взято 98 текстов. Все эти издания — наиболее значительные и научно достоверные сборники конца XIX — начала XX в. Культурно-историческое значение этих сборников несомненно. С одной стороны, они показывают состояние армянской фольклористики в тот период, понимание фольклористами роли и значения народного творчества, с другой — фиксируют немалое количество фольклорных текстов, представляя тем самым ценнейший документ своего времени.

В целом же отобранные тексты по территориальному охвату (Ереван, Тбилиси, Баку, Ван, Шуша, Ленинакан, Муш и другие города, а также 85 сел), распределению во времени (тексты записывались в течение 100 лет, что само по себе говорит об устойчивой традиции бытования), по составу сказителей (около 200 мужчин и женщин различного возраста из разных регионов Армении) могут в определенной степени представлять национальный репертуар, а сделанные выводы — с известным допущением — характеризовать его.

В идентифицированных 600 текстах волшебных и новеллистических сказок обнаружено 107 типов и подтипов. Это говорит о большом многообразии армянского сказочного репертуара: каждый шестой текст — новый тип сюжета. Поскольку аннотации сюжетов в указателе снабжены перечнем источников, можно составить представление о *частоте* того или иного типа в репертуаре.

Сюжетное многообразие армянского сказочного репертуара создается присутствием (хотя бы и небольшим числом текстов) всех групп волшебных и новеллистических сказок. Приводимый список дает представление о составе репертуара:

- АТ300-369 — «Чудесный противник» — 15 типов.
- АТ400-459 — «Чудесный супруг» — 9 типов.
- АТ460-499 — «Чудесные задачи» — 5 типов.
- АТ500-559 — «Чудесный помощник» — 20 типов.
- АТ560-649 — «Чудесный предмет» — 9 типов.
- АТ650-699 — «Чудесная сила или умение» — 5 типов.

- АТ700-749 — «Прочие чудесные мотивы» — 6 типов.
 АТ850-869 — «Женитьба на царевне» — 2 типа.
 АТ870-879 — «Девушка выходит замуж за царевича» — 6 типов.
 АТ880-899 — «Верность и невинность» — 11 типов.
 АТ910-915 — «Добрые советы» — 4 типа.
 АТ920-929 — «Умные дела или слова» — 1 тип.
 АТ930-949 — «Сказки о судьбе» — 6 типов.
 АТ950-969 — «О разбойниках и убийцах» — 2 типа.
 АТ970-999 — «Прочие новеллистические сказки» — 6 типов.

Как видно из приведенного перечня, распространенность сюжетов и тематических гнезд различна. Наиболее часты сюжеты из раздела «Чудесный помощник», причем особенно популярны «Благодарный мертвец» (АТ506-507; 19 текстов), «Сын охотника» (АТ513С; 12 текстов), «Перемена пола» (АТ514; 6 текстов), «Верный друг» (АТ516; 10 текстов), «Похищенная принцесса» (АТ516А; 10 текстов), «Принцесса на стеклянной горе» (АТ530; 7 текстов), «Поиски золотой птицы» (АТ550; 8 текстов).

Среди волшебных сказок выделяется также раздел «Чудесный противник», в том числе «Сердце чудовища (дьявола) в яйце» (АТ302; 16 текстов), «Сестра-людоед» (АТ315А; 10 текстов), «24 брата и 24 невесты» (СУС—3278⁹; 11 текстов), «Сестра-спасительница» (АТ311; 12 текстов), «Жизнь героя в его мече» (АТ302В; 7 текстов), «Близнецы или братья по крови» (АТ303; 7 текстов).

В группе новеллистических сказок чаще всего встречаются типы из раздела «Верность и невинность», в том числе «Не раз доказанная верность» (АТ881; 12 текстов), «Невинно оклеветанная девушка» (АТ883А; 7 текстов), «Королевские дети» (АТ892; 4 текста), «Учитель-вурдалак и камень жалости» (894; 4 текста) и др.

Сюжетный состав армянского репертуара включает как популярные сюжеты из европейского, в том числе восточнославянского репертуара, так и типы, известные только в ближневосточном регионе, Индии.

Так, сюжеты АТ302В — «Жизнь героя в его мече», АТ315А — «Сестра-людоед», АТ369 — «Сын ищет исчезнувшего отца», АТ516 — «Верный друг», как это указано у Томпсона, зафиксированы в Индии (другие источники не указаны). Между тем в нашем корпусе такие типы, за исключением АТ569, встречаются довольно часто — в 7—11 текстах. Это говорит о популярности этих сюжетов у армянских сказителей. Тип АТ369 встречается в корпусе армянских сказок лишь дважды, но тут показательно не число, а то, что он все-таки присутствует в репертуаре. Между тем его нет ни в Указателе грузинских сказок⁹, ни в Сравнительном указателе сюжетов (Восточнославянская сказка)¹⁰.

Сказки «Похищенная жена» (АТ860В'), «Купленная жена» (АТ887А'), судя по Томпсону, встречаются только у Н. П. Андреева (т. е. в русском репертуаре), но есть они и в армянском репертуаре, причем тип 860В' особенно распространен, часто контаминируется с типом 327В' — «24 брата и 24 невесты».

Составители Сравнительного указателя сюжетов восточнославянских сказок отмечают, что сюжет 301Д' — «Солдат находит исчезнувшую жену» (о *Португале*-прапорщике) вместе с некоторыми другими типами связан с давней рукописной традицией и встречается только в русских и восточнославянских записях, распространен также в литовской народной традиции (с. 18). Как показало наше исследование, этот тип известен и в армянской традиции, причем знаменательно, что солдат-спаситель в одном тексте (Армянские народные сказки, т. VIII, № 20), записанном в 1915 г. в Одзуне (Восточная Армения), назван *Портане-м*. Факт, который еще раз неоспоримо доказывает «неисповедимость» путей распространения как сказочных сюжетов, так и их вариантов и версий.

В процессе работы над указателем выявились некоторые версии, которые сложились за время длительного бытования того или иного повествовательного типа.

В сказке «Три золотых сына» наряду с традиционным началом — «Царь подслушал разговор трех сестер» — распространена и другая экспозиция: «Отец по требованию мачехи увел и оставил в лесу трех дочерей; младшая, чтобы не быть съеденной сестрами, прорыла вход в царскую конюшню, стала брать изюм у коней для сестер; царь, заметив, что кони худеют, подстерег и схватил девушку, которая обещала родить златокудрых сыновей». Среди армянских сказок

есть и разновидность, отмеченная в указателе Томпсона, — о поющем дереве, горящей птице и живой воде, добываемых героем.

Тип «Три похищенные принцессы» на армянском языке чаще встречается в «альтернативном», по выражению Томпсона, варианте 301 11d: «Дэв пожирал яблоки в царском саду. Царь велел сыновьям сторожить дерево. Младший царевич ранил дэва, пожиравшего яблоки, вслед за ним спустился в яму, убил трех дэвов, освободил трех царевен и т. д.» (10 текстов).

Из сюжетов АТ506-507 «Благодарный мертвец» в армянском репертуаре чаще, чем другие варианты, встречается тип 507с', отсутствующий у Томпсона, но в сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок выделенный как подтип. И в этом случае присутствует более распространенная версия (10 текстов): «Царь ослеп: ему было сказано, что его исцелит только кровь золотой рыбы. Царевич пожалел пойманную рыбу, отпустил ее». Далее АТ506 I, V. Эта же версия зафиксирована в указателе турецких сказок Эбергарда-Боратава под номером 62¹¹, бытует она и в грузинском репертуаре¹².

Армянские версии отдельных повествовательных типов выявляются также в сюжетных контаминациях. «Контаминация, т. е. соединение в одном произведении двух или нескольких сюжетов, во многом определяет сюжетное многообразие сказок, — пишет Н. Ведерникова, исследовательница русских сказок. — Контаминация расширяет творческие возможности сказочников, позволяет показать мастерство рассказчика, знание сюжетов, умение на основе знакомого традиционного материала построить новое произведение... Контаминация — это сложный художественный прием, владеть которым могут лишь сказочники-мастера с большим репертуаром»¹³. Н. Ведерникова рассматривает контаминацию как результат индивидуального творческого акта. Между тем известны контаминации, ставшие традиционными в национальном репертуаре. Это отмечают и составители сравнительного указателя сюжетов, и Т. Курдованидзе в своем Указателе грузинских сказок (с. 246, 252, 260). Еще раньше это констатировал Ю. Кшижановский в двухтомном указателе сюжетов польских сказок¹⁴. Имеются такие характерные контаминации и в армянском репертуаре, среди них: АТ311 — «Сестра-спасительница» + АТ956В — «Умная девушка, оставшись дома одна, убивает разбойников», АТ315А — «Сестра-людоед» + АТ321 — «Возвращенные глаза», АТ325 — «Чародей и его ученик» + АТ563 — «Стол, осел и палка», — 327В' «24 брата и 24 невесты» + АТ302 — «Сердце чудовища в яйце», 327В' + АТ449 — «Царская собака (Сиди-Науман)», — 327В' + АТ860В — «Похищенная жена», АТ402 — «Жена-лягушка (мышь, кошка)» + АТ465 — «Муж преследуется из-за красавицы жены», АТ433 — «Царевич-змея» + ГУ446 — «Муж, умирающий на день», АТ451 — «Девушка спасает своих братьев» + АТ450 — «Маленькая сестра и маленький брат», АТ567 — «Чудесное сердце птицы» + АТ566 — «Три волшебных предмета и чудесные фрукты», АТ936' — «Золотая гора» + АТ400 — «Муж ищет исчезнувшую жену» и др.

Устойчивость этих контаминаций и их частота (не менее 8 текстов) говорят о том, что и здесь мы имеем дело с версиями, типичными для национального репертуара. В связи с такого рода образованиями составители сравнительного указателя сюжетов ставят вопрос: «Если какой-либо этнической традиции свойственны устойчивые контаминации, можно ли их считать вторичными, не изначальными ли они?» (с. 21). Вопрос этот может быть поставлен и в отношении армянских сказок, но ответ на него требует более широких исследований.

Остановимся на одной контаминации, представляющей интерес соединением международного сюжета с повествованием, имеющим локальное распространение: сюжет АТ433 — «Царевич-змея» — Одзманук часто продолжается рассказом о юноше, который умирает (окаменевает) днем и оживает ночью. Арэваманук — «Солнечный юноша», раздраженный неудачной охотой, выстрелил из лука в солнце, мать солнца прокляла его — лежать ему днем ни живым ни мертвым и никогда не видеть солнца. Мать юноши надела железные сапоги, взяла железный посох, пришла к солнцу, чтобы вымолить прощение сыну. Мать солнца велела ей взять воды, которой умывалось солнце, и оживить сына. Сюжет этот имеет мифологическое происхождение¹⁵. Вариант мотива, связанного с проклятием солнца, бытует в армянском фольклоре также в виде предания¹⁶.

В древности официальная религия армян включала культ солнца и луны. Еще в XII в. существовала секта солнцепоклонников («арэвордик» — дети солнца)¹⁷. Но рассказчик конца XIX — начала XX в., повествуя о солнце, которое мать кормит грудью, так же мало думал о мифологическом божестве, как и современный армянин, говорящий о заходе солнца «майрамут» (вход к матери). Согласно мифам, дворец Арэва (солнца) находится на востоке, на краю света, вечером воспламенный и усталый Арэв возвращается к матери¹⁸. Демифологизированное солнце, подобно вишапу (дракону), дэву, является в сказке таким же персонажем, что и царь, дервиш или купец. И то и другое равноценно художественному вымыслу, действующему по законам художественного повествования.

Как было уже сказано, сюжет об Арэвмануке, наказанном солнцем, контактируется с сюжетом об Одзмануке. Дважды сюжет АТ433 сочетается с рассказом о юноше, который днем лежит ни живой ни мертвый, так как его родители не выполнили своего обета, данного Богу. Таким образом, сохранился мотив — юноша не видит солнца, так как оживает только ночью, но нет мотива проклятия солнца и последующего его посещения матерью юноши. Здесь налицо, несомненно, результат сложного процесса бытования традиционных сюжетов, мотивов и реалий: демифологизация персонажей древнего мифа — солнца и солнечного юноши, появление новых мотивов вместо древних мифологических, возникновение прочных сюжетных сочетаний.

Сказка о солнечном юноше — Мзечабуки бытует и в грузинском фольклоре¹⁹; Т. Курдованидзе в своем указателе присвоил сюжету номер 446, так как этот тип отсутствует в каталоге Аарне — Томпсона²⁰. Под этим номером сюжет был введен и в наш указатель. Этот факт — не единственное свидетельство близости армянского и грузинского сказочных репертуаров. Из 107 типов и подтипов, идентифицированных в нашем указателе, 54 совпадают с сюжетами, зафиксированными Т. Курдованидзе в его указателе сюжетов и мотивов и опубликованных в 2-х томах «Грузинских народных сказок». И совпадение, и отличие — знаменательно. Совпадение — лишнее доказательство того, что два соседних народа находились в постоянном общении на всех уровнях, и в том числе на бытовом, заимствуя, перенимая друг у друга наряду с элементами «традиционно-бытовой культуры»²¹ сюжеты и мотивы фольклора. Отличие еще раз подтверждает, что у каждого народа свой репертуар сказок, специфика которого в неповторимости сочетания повествовательных типов, в их частоте, в наличии характерных версий, типичных контаминаций. Пристрастие к определенным сюжетам, психологическим ситуациям, фабульным перипетиям, особым типам персонажей и характеризует сюжетный состав сказочного репертуара, бытующего на языке данного народа. Это относится и к армянскому репертуару. Изучение национального репертуара, его состава, его местной специфики открывает широкие возможности для его сопоставления со сказочным фольклором других народов, что в свою очередь позволит сделать очень важные выводы о путях распространения и характере бытования отдельных повествовательных типов. На очереди сравнительное изучение архаических сказок о животных, не охваченных нашим указателем.

Сюжетный состав армянского репертуара волшебных и новеллистических сказок определяется его географическим местоположением — между Западом и Востоком — и историческими связями. Армянский репертуар во многом близок грузинскому, персидскому, турецкому репертуарам. Но немало в нем и сюжетов, общих с восточнославянскими и европейскими сказками. Наличие повествовательных типов, имеющих широкое международное распространение, характеризует армянский репертуар с точки зрения его исконности и традиционности. Армянский репертуар объединяет и хранит сказки, рассказываемые в самых разных концах мира. И в этом его культурно-историческое значение как объекта глубоких и разносторонних исследований.

Примечания

¹ Халатьянц Г. Общий очерк народных армянских сказок. М., 1885. С. 11.

² Армянский вестник. Тифлис, 1917. № 17, 18, 21, 23, 25.

³ Армянский вестник. Тифлис, 1917. № 25. С. 6.

- ⁴ Армянские сказки. М.: Л., 1933.
- ⁵ Армянские народные сказки. Ереван, 1950 (на арм. яз.). Армянские народные сказки. Ереван, 1965.
- ⁶ Армянские народные сказки. Ереван, 1983.
- ⁷ Осетинские народные сказки. М., 1973. С. 550.
- ⁸ Гуллакян С. А. Указатель сюжетов армянских волшебных и новеллистических сказок. Ереван, 1990.
- ⁹ Армянские народные сказки. Ереван, 1959—1979. Т. I—X (на арм. яз.).
- ¹⁰ Курдованидзе Т. Д. Сюжеты и мотивы грузинских волшебных и новеллистических сказок (Систематический указатель по Аарне — Томпсону)//Литературные взаимосвязи. М., 1976. Т. 6.
- ¹¹ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.
- ¹² Eberhard W., Boratar P. N. Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953.
- ¹³ Грузинские народные сказки. М., 1988. Кн. 1—2, № 64.
- ¹⁴ Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М., 1975. С. 27.
- ¹⁵ Krzyzanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Warszawa, 1962—1963. Т. I—II.
- ¹⁶ Мифы народов мира. М., 1980/1982. Т. 1. С. 112.
- ¹⁷ Ганалаян А. Армянские предания. Ереван, 1969. С. 3 (на арм. яз.).
- ¹⁸ Мифы народов мира. Т. 1. С. 105, 112.
- ¹⁹ Там же. Т. 1. С. 112.
- ²⁰ Грузинские народные сказки. № 52.
- ²¹ Курдованидзе Т. Д. Указ. раб. С. 248.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 74.